

УДК 343.14
ББК 67.410.204

ПРАВОВОЕ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИЗНАНИЯ ВИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Н.А. Соловьева, В.Н. Перекрестов

В представленной работе проводится разграничение правового и доказательственного значения признания вины в российском уголовном процессе. С этой целью проводится тщательный анализ термина «признание» как с правовой, так и с этимологической позиций. Обосновывается вывод о том, что признание вины имеет значение не только как юридически значимый акт для принятия определенных правовых решений, но и как доказательство.

Ключевые слова: признание вины, доказательство, принятие решения, сознание, признательные показания, рядовое доказательство, правовое значение.

В самом общем виде признание – это «открытое и откровенное сообщение о своих действиях, поступках» [9, с. 589]. В юридической литературе различают понятия «сознание» и «признание» в совершении преступления. Первое понятие в науке уголовно-процессуального права трактуется несколько шире по смыслу, чем «признание». Так, Р.Д. Рахунов отмечал, что понятие «сознание» «характеризует не только признание обвиняемым инкриминируемых ему деяний, их фактическую и юридическую сторону, но и осознание противоправности совершенного им» [15, с. 119].

М.П. Шаламов же считал, что понятие «сознание» тождественно понятию «признание», так как означает лишь положительный ответ на вопрос о признании вины [19, с. 45]. (Мы солидарны с мнением М.П. Шаламова, также полагая, что данные понятия тождественны.)

Слово «признательный» в обычной разговорной лексике означает «испытывающий признательность к кому-либо, чему-либо, благодарный; выражающий признатель-

ность» [3, с. 978]. В юридической же лексике приведенное общеупотребительное значение термина «признательный» никак «не корреспондирует тому значению, которое вкладывается в термин “признательные показания” в юридической среде (сознаться в чем-либо и рассказать об этом)» [18, с. 14]. Для определения показаний обвиняемого прилагательное «признательный», на наш взгляд, непригодно, так как не соответствует норме русского языка.

По мнению Н.В. Андросенко, «современное уголовно-процессуальное законодательство фактически не использует формулировку “признание вины”. Такая позиция законодателя объясняется пересмотром отношения к признанию подозреваемым, обвиняемым своей вины в совершении преступления, которому в период инквизиционного процесса придавалось значение “царицы доказательств”», наиболее ценного доказательства, достоверность которого презюмировалась» [1, с. 3]. Смеем отчасти не согласиться с данным утверждением Н.В. Андросенко, поскольку, на наш взгляд, пересмотр отношения к признанию подозреваемым, обвиняемым своей вины в совершении преступления произошел, возможно, лишь на законодательном уровне, так как в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и постановле-

ниях Конституционного суда РФ формулировка «признание вины» используется достаточно часто, не говоря уже о практической деятельности, где «признание вины» употребляется повсеместно.

И хотя большинство процессуалистов признанию обвиняемого отводят роль «рядового доказательства», не имеющего никакого преимущественного значения перед другими, в теории уголовного процессуального права встречаются и иные подходы к определению доказательственного значения показаний подозреваемого, обвиняемого, признающего свою вину.

Так, в свое время М.А. Чельцов-Бебутов полагал, что признание обвиняемого менее ценное доказательство, и предлагал оценивать всю совокупность имеющихся доказательств, вообще не принимая во внимание имеющиеся показания обвиняемого [19, с. 46].

В современной теории уголовно-процессуального права данный взгляд на ценность и значимость признания обвиняемым (подозреваемым) своей вины находит поддержку. Так, к числу авторов, умаляющих значение признания обвиняемым своей вины, принадлежит Р. Куссмауль. Он приводит доводы и основания для исключения показаний обвиняемых, признающих свою вину, из числа доказательств, поскольку «они всегда сомнительны». Р. Куссмауль утверждает, что на достоверность показания подозреваемого, обвиняемого и подсудимого, даже при отсутствии незаконных методов расследования, оказывают влияние и различные иные факторы, например, заблуждение, тяжелое стечение личных, семейных и иных обстоятельств, насилие и угрозы со стороны подлинных преступников, их родственников или знакомых [7].

Такого же радикального взгляда придерживается и В.Л. Будников. По его мнению, законодатель должен незамедлительно отменить ч. 2 ст. 77 УПК РФ, навсегда оставив пресловутую «царицу доказательств» в истории розыскного процесса. Необходимо «исключить вообще упоминание о каком-либо доказательственном значении факта признания обвиняемым своей вины в совершении преступления. Значение доказательства должны иметь его показания, данные в установленном порядке и характеризующие фактичес-

кие обстоятельства преступного события, по поводу которого его допрашивает следователь. Признание или непризнание обвиняемым своей вины должны получать подтверждение или отрицание при проверке показаний совокупностью других уголовных доказательств. При этом ни одно доказательство, включая показания обвиняемого, не должно иметь какой-либо предустановленной силы» [4, с. 45].

Небезынтересно и мнение С.А. Пашина, который считает, что в сознании правоприменителя часто формируется отношение к показаниям подсудимых как к доказательству минимальной надежности [11].

Представляется, что исключать показания, в которых подозреваемый, обвиняемый признают свою вину, из числа доказательств не только нецелесообразно, но и неправомерно, поскольку это может повлечь нарушение прав вышеуказанных лиц. По мнению В.И. Каминской, «важнейшая особенность, характеризующая показания обвиняемого с точки зрения их процессуального значения, заключается в том, что при помощи показаний обвиняемый осуществляет свое право на защиту» [5, с. 19]. Обвиняемый, высказывая свое отношение к предъявленному обвинению, приводя оправдывающие или смягчающие его ответственность доводы, реализует право на защиту. Однако здесь уместно обратиться к позиции Н.С. Алексеева и В.З. Лукашевича, что «нельзя не учитывать того, что получение признания обвиняемого, совершившего преступление, является иногда кратчайшим путем для выяснения истины. При умелом производстве допроса сознавшегося обвиняемого, ничуть не нарушая требование закона, можно получить важнейшие сведения, которые позволят добыть другие объективные доказательства его виновности и закончить расследование в кратчайший срок. Если бы следователи не стремились получить признание обвиняемого законными способами, то расследование дела заходило бы в тупик» [15, с. 157–158].

Думается, что и переоценка так же недопустима, как и недооценка признания подозреваемого, обвиняемого. Это объясняется прежде всего имевшейся и, к сожалению, до сих пор сохраняющейся порочной правоприменительной практикой, связанной с использованием незаконных методов ве-

дения расследования, в частности, недопустимого психического воздействия на допрашиваемого. Однако вместо того, чтобы отказываться от такого ценного доказательства, как признание вины, имеющего не только доказательственное, но и правовое значение, стоит направить усилия на совершенствование мер преодоления и нейтрализации незаконных методов ведения следствия (дознания). А исключать и игнорировать данные показания, на наш взгляд, не только нецелесообразно, но и вредно.

По-прежнему полученным в ходе расследования показаниям обвиняемого придается большее значение, чем тому, что он говорит в ходе судебного разбирательства. При этом правомочие защитника участвовать вместе с подозреваемым и обвиняемым в следственных действиях, что является определенным достижением действующего процессуально-регулирующего, во многих случаях используется в ущерб подсудимому: если он изменяет в суде ранее данные показания, то суд в судебном приговоре использует все же в качестве доказательства его первоначальные признания, ссылаясь на два довода, а именно на то, что при допросе в ходе расследования, когда он признал себя виновным, присутствовал защитник и у суда больше оснований не доверять лицу, отказавшемуся от признания, чем последовательно обвиняющим его органам расследования [8, с. 7].

Закон (ч. 2 ст. 77 УПК РФ) устанавливает, что признание обвиняемым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу и исследованных в судебном заседании доказательств, не может быть положено в основу обвинения. Очевидно, что подкрепление таких показаний на предварительном расследовании другими доказательствами не следует рассматривать как стремление органов расследования не допустить возможности для обвиняемого отказаться от них в суде. Органы предварительного расследования выполняют свою функцию уголовного преследования (обвинения) независимо от факта, признал или нет обвиняемый (подозреваемый) свою вину в инкриминируемом ему преступлении.

Но тогда возникают закономерные вопросы: почему признание вины обвиняемым

устанавливается субъектами, ведущими уголовный процесс? Какое значение для дела может иметь признание подозреваемого или обвиняемого (на стадии предварительного расследования) и подсудимого (на стадии судебного разбирательства)?

Разумеется, что утвердительный ответ обвиняемого (подозреваемого) на один или несколько уличающих его вопросов не может быть расценен как достоверное доказательство его вины в целом в совершении инкриминируемого преступления. В то же время сомнения в достоверности признания своей вины обвиняемым не нивелируют его правового значения как юридически значимого поступка. В противном случае закон не придавал бы особого значения явке с повинной как одному из законных поводов к возбуждению уголовного дела. Ведь понятно, что на стадии возбуждения уголовного дела достоверность признания вины установлена быть не может. Н.В. Андросенко правильно указывает, что когда обвиняемый признает себя виновным, но от дачи показаний отказывается в соответствии со ст. 51 Конституции Российской Федерации, в таком случае признание обвиняемого в качестве доказательства не может быть использовано, потому что не содержит сведений, имеющих доказательственное значение [2, с. 27].

Следует заметить, что показания обвиняемого, признающего свою вину, требуют такой же проверки, как и любой другой вид доказательства. Должны быть установлены источники, получены иные доказательства, подтверждающие или опровергающие проверяемое доказательство. Таким образом, никакое доказательство не может быть положено в основу обвинения без наличия иных доказательств. Некоторые авторы, в частности, М.Л. Якуб, Н.В. Андросенко, А.В. Победкин [12, с. 20; 13, с. 17] считают, что законодатель продублировал положение по отношению к признанию обвиняемым своей вины для того, чтобы правоприменитель критически отнесся к показаниям обвиняемого, признающего свою вину, поскольку данная разновидность показаний обвиняемого требует особого отношения. Особое отношение к признанию обвиняемым своей вины видится в том, что законодатель практически дословно воспроиз-

вел правило о проверке и об оценке такого признания, которое ранее также закреплялось в ст. 77 УПК РСФСР. Однако законодатель самим фактом закрепления в ч. 2 ст. 77 УПК РФ положения о признании обвиняемым своей вины придает ему и дополнительное значение как условия, учитываемого субъектами, ведущими процесс, при решении о применении особого порядка судебного разбирательства без проведения судебного следствия, а также при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Так, показательна точка зрения С.А. Касаткиной, разделяющей позицию тех процессуалистов (В.И. Каминская, Р.Д. Рахунов, М.С. Строгович, М.Л. Якуб), кто выраженное обвиняемым отношение к предъявленному обвинению включает в содержание показаний обвиняемого в качестве их составной части. Изложение обвиняемым фактических обстоятельств дела напрямую связано с его отношением к предъявленному обвинению. Ответ обвиняемого «да, признаю себя виновным» или «нет, не признаю себя виновным» представляет собой единое целое с теми показаниями, которые он дает по уголовному делу и которые подлежат проверке и оценке по установленным правилам [6, с. 61].

В некоторых ситуациях сам факт признания обвиняемым своей вины имеет определенное правовое (*но не доказательственное*) значение. Так, прекращение дела по нереабилитирующим основаниям возможно только с согласия обвиняемого и не допускается, если он против этого возражает (ч. 2 ст. 27 УПК РФ) [10, с. 149–150].

Одна из целей нашего исследования – расширить границы, возможности учета правового значения признания вины при реализации таких правовых институтов, как особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве, прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (примирение сторон, деятельное раскаяние), процедура медиации.

Нам представляется крайне актуальным в контексте рассматриваемой темы попытаться воплотить и реализовать идею данного разграничения. Говоря о правовом значении признания вины, целесообразно исходить из его понимания в качестве юридичес-

кого факта, а именно правомерного поступка, направленного на действие определенных правовых институтов, предусмотренных в настоящем уголовном судопроизводстве, то есть условия, при котором вступает в действие определенная досудебная или судебная процедура. Особенно ярко мы можем проследить это на примере особого порядка судебного разбирательства, где признание как раз и выступает обязательным условием его действия. Также правовое значение признания вины проявляется при определении юридически значимого обстоятельства, смягчающего ответственность и учитываемого при избрании судом меры наказания.

УПК РФ исходит из понимания показаний обвиняемого только лишь как сведений о фактических обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу, что подтверждается ст. 74, 77 УПК РФ. Вычленение из показаний обвиняемого отдельного ответа, характеризующего его позицию по предъявленному обвинению, и оставление этого ответа за рамками содержания его показаний, на наш взгляд, не имеет доказательственного значения, поскольку сам по себе факт признания обвиняемым своей вины доказательством не является, здесь целесообразно говорить о юридическом факте, от которого зависит выбор той или иной процессуальной формы расследования или судебного разбирательства. Признание обвиняемым своей вины как его субъективное, психологическое отношение к предъявленному обвинению, выраженное в процессуальной форме ходатайства о проведении судебного разбирательства в особом порядке, приобретает значение юридического факта, в связи с чем к нему применяются нормы не доказательственного права, а нормы, регламентирующие процедурную форму разрешения уголовного дела (особый порядок судебного разбирательства, досудебное соглашение о сотрудничестве) на основе начал диспозитивности и состязательности. Действие состязательности обуславливает возникновение судебного разбирательства по существу предъявленного подсудимому обвинения только по волеизъявлению стороны обвинения. Правовое значение признания вины как юридического факта в состязательном про-

цессе освобождает заинтересованную сторону (потерпевшего, государство) от необходимости доказывания заявленного в суд требования и влечет вынесение решения, удовлетворяющего заинтересованное лицо, в пользу которого сделано признание.

Таким образом, при применении процедур, закрепленных в гл. 40, 40.1 УПК РФ и ст. 25, 28, 427 УПК РФ необходимо сочетание как правового, так и доказательственного значения, поскольку именно в правовом значении признания вины кроется опасность применения незаконных методов расследования, которые могут выражаться в физическом, психологическом и психическом воздействии на обвиняемого с целью получения согласия на рассмотрение дела в особом порядке судебного разбирательства или прекращения уголовных дел с сомнительной доказательной базой. Как раз здесь требование выяснения признания вины как доказательства, то есть конкретных сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, располагать которыми может лишь лицо, причастное к совершению преступного деяния, дает возможность исключить данный соблазн органов предварительного расследования и суда, а также злоупотребления со стороны обвиняемого в виде самооговора, стремления избежать наказания за более тяжкое преступление и нейтрализации возможности взятия на себя вины по другим преступлениям (как говорится, «в нагрузку») в обмен на смягчение наказания. Согласие обвиняемого с выдвинутым против него обвинением (правое значение) при отрицании им своей вины в совершении инкриминируемого преступления (отсутствие признания вины как доказательства) свидетельствует о вышеуказанных негативных явлениях, в связи с чем судье следует исследовать все имеющиеся по уголовному делу доказательства, то есть разрешить его в обычной процессуальной форме.

Исходя из принципа состязательности, законодатель идет на отказ (полный или частичный) от доказывания, его сокращение в случаях, когда обвиняемый против этого не возражает, когда нет спора сторон. Наиболее отчетливо это проявляется в особом порядке принятия судебного решения при согласии

обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ). В доказательном же аспекте остается в силе прежнее правило – оценке и проверке подлежат лишь конкретные факты, сообщенные обвиняемым, независимо от того, осуществляется доказывание в полном объеме или в сокращенном, в этом процессе или вышестоящей инстанцией [10, с. 150].

С учетом того, что признание обвиняемым своей вины имеет значение для дифференциации порядка производства по уголовному делу, в УПК РФ наблюдается тенденция выделения приоритетного доказательственного значения признания вины обвиняемым (подозреваемым). Полагаем, что к признанию обвиняемым своей вины должно быть отношение как к особому доказательству. На наш взгляд, необходимо усиление процессуальных гарантий, направленных в первую очередь на искоренение недозволенных методов получения от обвиняемого признания своей вины.

Оценка признания как особого доказательства, по нашему мнению, не означает отношение к признанию вины как к преимущественному (приоритетному) доказательству, обладающему более высоким правовым статусом. Уголовно-процессуальной наукой давно отвергнута подобная позиция, которая противоречит общим положениям УПК РФ, в частности, ст. 17 УПК РФ, согласно которой никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Признание вины нами расценивается как особое (то есть указывающее на значительную степень проявления какого-либо качества, состояния, действия, отличное, не похожее на другие [16, с. 1037]) в том аспекте, что к нему следует относиться с особой внимательностью и настороженностью.

При особом порядке судебного разбирательства, досудебном соглашении о сотрудничестве, прекращении уголовного дела в связи с примирением, деятельным раскаянием, прекращении уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия следует рассматривать признание вины в единстве двух значений: доказательственного и правового. Говоря о правовом значении признания вины, целесообразно исходить из его понимания в

качестве юридического факта, а именно – правомерного поступка, направленного на действие определенных правовых институтов, предусмотренных в настоящем уголовном судопроизводстве, то есть условием, при котором вступает в действие досудебная или судебная процедура. Также правовое значение признания вины проявляется при определении юридически значимого обстоятельства, смягчающего ответственность и учитываемого при избрании судом меры наказания. Под признанием вины в доказательственном значении следует понимать сообщаемые в рамках допроса, очной ставки, проверки показаний на месте подозреваемым и обвиняемым сведения, которыми он подтверждает действительность каких-либо фактов, относящихся к этому преступному событию и достаточных для констатации конкретного состава преступления.

На наш взгляд, правовое значение признания вины весьма многогранно и актуально в настоящее время, поскольку связано с дифференциацией форм уголовного судопроизводства, что, в конечном счете, оказывает определяющее влияние на уголовной процесс в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андросенко, Н. В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Андросенко Наталья Васильевна ; [место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. – М., 2008. – 223 с.
2. Андросенко, Н. В. Признание подозреваемым, обвиняемым своей вины как доказательство по уголовному делу / Н. В. Андросенко // *Мировой судья*. – 2008. – № 2. – С. 27–29.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
4. Будников, В. Л. Признание обвиняемым своей вины не является уголовным доказательством / В. Л. Будников // *Российская юстиция*. – 2007. – № 4. – С. 44–53.
5. Каминская, В. И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе / В. И. Каминская. – М., 1960. – 56 с.
6. Касаткина, С. А. Признание обвиняемого : монография / С. А. Касаткина ; Ин-т государства и права РАН. – М. : Проспект, 2010. – 224 с.
7. Куссмауль, Р. Исключить показания обвиняемого из числа доказательств / Р. Куссмауль // *Российская юстиция*. – 2001. – № 7. – С. 52–53.
8. Морщакова, Т. Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве / Т. Г. Морщакова // *Уголовное судопроизводство*. – 2011. – № 2. – С. 5–8.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Рус. язык, 1990. – 921 с.
10. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе: монография / Ю. К. Орлов. – М. : Юрист, 2009. – 175 с.
11. Пашин, С. Теория формальных доказательств и здравый смысл / С. Пашин // *Российская юстиция*. – 1996. – № 1. – С. 52–57.
12. Победкин, А. В. Показания обвиняемого в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Победкин. – М., 1998. – 206 с.
13. Ратинов, А. Р. Самооговор (происхождение, предотвращение и разоблачение ложных признаний) / А. Р. Ратинов, Т. А. Скотникова. – М. : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. – 143 с.
14. Рахунов, Р. Д. Признание обвиняемым своей вины / Р. Д. Рахунов. – М. : НИИРИО ВСШ МВД СССР, 1975. – 173 с.
15. Советский уголовный процесс / под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1989. – 472 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель : АСТ : Ермак, 2003. – 1582 с.
17. Туранин, В. Ю. Юридический жаргон современного российского законодательства: причины использования и пути устранения / В. Ю. Туранин // *Российская юстиция*. – 2008. – № 6. – Электрон. текстовые дан. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.
18. Чельцов-Бебутов, М. А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе / М. А. Чельцов-Бебутов. – М. : Политиздат, 1947. – 274 с.
19. Шаламов, М. П. К вопросу об оценке сознания обвиняемого / М. П. Шаламов // *Советское государство и право*. – 1956. – № 8. – С. 44–50.

**LEGAL AND EVIDENTIAL SIGNIFICANCE OF CONFESSION OF GUILT
IN THE CURRENT RUSSIAN CRIMINAL CODE**

N.A. Solovyeva, V.N. Perekrestov

In the presented work the differentiation of legal and evidentiary value of confession of guilt in the Russian criminal proceedings is carried out. The purposeful nuanced analysis of the term “confession” both from legal and etymological approaches is represented. The conclusion that confession of guilt matters not only as a legally significant act for the adoption of certain legal decisions but also as the probation is validated.

***Key words:** confession of guilt, probation, decision-making, consciousness, confessionary statements, ordinary probation, legal significance.*